

Рс 44512

МИКРОФОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНОГО
РАДИОКОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОГО РАДИОКОМИТЕТА

А 89 31
А 13

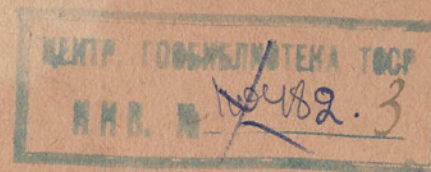
АБХАЗСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПО ВОПРОСАМ РАДИО
МОСКВА 1936 г.

МИКРОФОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНОГО
ВЕЩАНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИОКОМИТЕТА

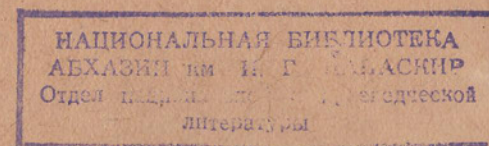
РЕДАКЦИЯ
ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР
№ 33

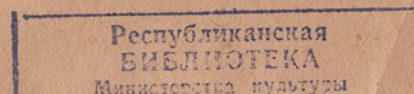
398(47.922)
+ [654.19.18]

АБХАЗСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Составила О. КРЕМЕНЕЦКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПО ВОПРОСАМ РАДИО
/ МОСКВА 1936 г.

Р 244572
47
306600

Микрофонные материалы печатаются по заказу
Управления местного вещания
ВРК
на правах рукописи
исключительно для радиовещания

АБХАЗСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Пятнадцать лет назад радиogramмой Ленину и Сталину об установлении советской власти в Абхазии открыл абхазский народ новую страницу своей истории. К седой древности восходит история абхазского народа, и веками страданий отмечен его путь. Благословенная природой страна была как бы узлом больших торговых дорог и издавна стала объектом колонизации, грабежей и работорговли. Чьи только мечи не рубили абхазских голов, чьи только цепи не сковывали ног увозимых пленников-рабов, чья только плеть не гуляла по спинам абхазцев!

В огромной тюрьме народов, какой была царская Россия, едва ли не злейшей камерой пыток стала Абхазия. Огню предавали не раз ее селенья, кровью и железом смиряли ее народ, тяжелыми плитами налогов и поборов душили богатейшие природные возможности ее экономического расцвета. Но в груди своей нес абхазский народ неугасимое пламя ненависти к угнетению. В девятнадцатом веке это пламя не раз возгоралось пожаром крестьянских восстаний. А в начале двадцатого века крепчающий ветер большевизма донес и до Абхазии учение Ленина—Сталина и дал в 1905 году революционному движению в Абхазии руководителем товарища Серго Орджоникидзе. Великая пролетарская революция в СССР не сразу победила в Абхазии, — эта многострадальная страна прошла еще через меньшевистское владычество, и только весной 1921 года захлопнулась многовековая книга скорби абхазского народа.

Сегодня Абхазия—орденоносная социалистическая советская республика. В исторически малые сроки прошли трудящиеся Абхазии изумительный путь от нищего народа нищей страны к цветущей вместе со всей Грузией автономной советской республике.

Огромнейшие потенциальные богатства Абхазии, ранее бывшие проклятием ее народа, сейчас стали и становятся источниками радости для миллионов трудящихся Абхазии и всего Советского Союза. Плодородная абхазская земля

Ответственный редактор Н. Кольцов.
Технический редактор А. Кольцов.

Редактор сборника С. Юрин.
Ответ. корректор Л. Шмулевич.

Уполном. Главлита В—29586. Издат. № 140. Тираж 600. Объем 1 1/4 п. л.
Формат бумаги 62X93 см. В печ. л. 40 000 зн. Сдано в набор 1/IX 1936 г.
Подписано к печати 15/XI—1936 г. Зак. 1941.

Типография «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва.

щедро дарит сейчас колхозам и золотистые цитрусовые плоды, и сотни тонн чая, и тысячи тонн табака, и герань, и тунг, и каучук, и другие культуры, впервые возвращенные большевистской рукой. Промышленность создана в Абхазии, и горные тропы звериные сменились тысячьо километров хороших дорог. Нищета сменилась зажиточностью, невежество — грамотой, литературой на родном языке, национальная рознь — дружбой народов в этой многонациональной республике.

Всего разительней перемена произошла в людях Абхазии. Рабский неблагоприятный труд был проклятьем, и тем более великолепны, множась образцы подлинно социалистического труда — дела чести, доблести и геройства. На табачных и чайных плантациях колхозницы и колхозники Абхазии показывают примеры героической стахановской работы. В Ткварчельских копах, куда еще только несколько лет назад цепкие предрассудки не пускали абхазца на подземные работы, сейчас десятки абхазцев ставят рекорды производительности труда.

И уж речи новые, и песни новые слышатся в абхазской деревне. Музыкальный и творчески пылкий абхазский народ создал в прошлом немало заунывных, грустных мелодий; от тягостной жизни уводила наивная абхазская сказка-мечта о чудодейственных странствованиях и богатой жизни. Сегодня не только молодежь, но и долголетние старики абхазские поют уже и о чудесах, свершаемых сейчас их собственными руками, и о чудесах колхозного труда, принесших и несущих зажиточную жизнь, о чудесах советской земли, на которой точно по мановению сталинской руки вырастают дворцы-школы, вузы, электростанции и фабрики. И в народном творчестве абхазском — от Гагр до Очамчир, от Пицунды до Окума, в селениях приморских и у берегов светлой реки Бзыбь — все чаще и громче слышится былина и песнь о тех, чьей волей и ученьем выведен и абхазский народ к зажиточной светлой жизни, песнь-былина о Ленине и Сталине»*.

* «Правда» от 4/III 1936 г.

Множество сказаний поется в Абхазии про борьбу лучших ее сынов с князьями-феодалами и дворянами, бесчеловечно угнетавшими абхазский народ.

Напха Кягуа — один из любимейших героев абхазского фольклора, храбрый, умный и великодушный селянин из окрестностей Бзыби.

Прослушайте песенный сказ

СМЕРТЬ НАПХА КЯГУА

(Записал В. Маан. Русский перевод Елены Шер)

Был еще ребенком, но запечатлелся
Мне сказ монотонный, песенный один...
Мать сидит над пряжей, как-то грустно пелся
Тот напев, как умер бзыбский селянин.

Уа-ри-ра, ра-ри-на, песни звуки мчатся...
И ведет рассказ свой, долгий, старина...
Уа-ри-ра, ра-ри-на, Напха Кягуа, хаца!
Кягуа, бесстрашный, ой-ри-ра-ри-на!

Там, где Бзыбь течет, бурля из горных скважин,
Где в зеленой бурке мшистые кряжи,
Бзыбец Напха Кягуа, ловок и отважен,
Над обрывом в пацхе * с братом мирно жил.

Дни текли за днями, жизнь — клубочек ниток...
Годы — обороты, мерный взмах руки...
После дня работы — таганок налитый
Манит... Мамалыги булькают круги.

Летний вечер вянул... Он пришел с работы.
Дверь открыта пацхи. Нет там никого...
Все — вверх дном, раскрыто, видно был здесь кто-то,
Гость тут засиделся, странный, роковой...

Все добро из пацхи — скрылось, кем-то взято.
Мрачны мысли Кягуа, скверное сулят —
Перья из подушек до колен... И вата
Клочьями по полу... Алиас! Где брат?

Нет меньшого брата. Алиас похищен?
Алиас украден? Ха-а! И мысль из мглы

* Пацха — хижина.

Прояснилась сразу... И как горный хищник,
Ринулась по следу... И следы теплы...

След был виден ясно — беков Карачая.
Про разбой их Кыгуа слышал много раз...
Отроков, бандиты, ловко похищают —
В рабство продавая в Северный Кавказ.

Боль легла на сердце. И позором черным
Кыгуа покрылся... С этим жить нельзя!
Он догонит быстро, по тропинкам горным,
Он отплатит мщеньем проклятым князьям!

Верную кремневку разбирает, чистит,
Перебрал глазами весь газыр-заряд...
Вечер нес прохладу. Покрывалом мгlistым
Ночь одела горы в сумрачный наряд.

Ринулся в погоню. А на утро скалы
Перед ним раздались страшной крутизной;
Там приемыш Бзыби вьется змейкой малой,
Чешуей сверкая в полуденный зной.

Там пылит дорога. Там шли караваном
Беки Карачая... Крутизну кляня,
Брата видит Кыгуа... Связанный тираном,
Алиас чуть плелся за хвостом коня.

«А-ха! отобью я! Если смерть, так с честью!
Их не мало... много... По крутой тропе
Вот по-одиночке идут восемь, десять...»
Вражью силу кыгуа считает. Он не оробел.

«Если выстрел сверху искрой загорится —
Конь потянет в пропасть, брату будет вред,
Лучше им дорогу перережу в Риге
И засадой встречу, обогнув хребет».

Мысль терзала сердце, засыхая в горле.
Пот съедал под солнцем черный архалук *...
Путь им перерезал по тропинкам горным
И сел, выжидая, за гранит-скалу.

Целится кремневкой. Газыри-заряды
Тянет, чтоб зубами легче было взять.
«Неужель не справлюсь с вражеским отрядом?
Смерть одна бывает, двум ведь не бывать».

* Одежда.

Посмотреть, идут ли? Да, идут бандиты!»
Впереди шел гордо, выпятивши грудь,
Аслан-бек, средь беков самый знаменитый —
Ведь его, как слышно, пули не берут.

Мурза-бек шел главным, позади другие.
За хвостом коня тянулся Алиас...
«Э-х! малы для беков клады золотые:
Кабалить неволей еще надо нас!»

А-ха! друг, кремневка! будь мне вместо брата,
Если двух вожатых мы с тобой убьем,
Остальная банда нам не страшновата...
Ну-ка... в лоб Аслана дуло наведем...»

Не спеша навел кремневку в Аслан-бека,
Выстрел грянул. Эхо. Тишина...
И плашмя свалилось тело человека...
Караван застыл вдруг... мысль напряжена...

Смотрят друг на друга. Кто? Откуда выстрел?
Не видать. В засаде — сколько человек?
Вслед за ним другой удар, такой же быстрый!
За плечо схватился, корчась, Мурза-бек,

И свалился на земь. Люди разбежались
Голову запрягать в тощие кусты.
Лишь конь и Алиас связаны остались.
Пыль еще висела облаком густым...

Растопырив ноги, водит конь ушами.
Но ошеломленный Мурза-бек был жив.
И вонзилось в воздух словно острый камень:
— Кто стреляет? Кто там? Выходи, скажи!

Если ты мужчина — выходи бесстрашно!
Так стреляет баба, прячась, из кустов!
Так стреляет трус, боясь рукопашной —
Выходи скорее! — И от этих слов

Кыгуа зажегся, будто был ужален,
Будто в тело — сотни ядовитых жал...
Он скакнул джейраном из крутых развалин,
И сверкнул на солнце бешеный кинжал.

Целится Мурза-бек, целит незаметно,
Акярахе * помогая раненой рукой,

* Акяраха — ружье.

И нежданной пулей Кягуа задетый
Зашатался, ранен... и припал ногой.

Но не сдался Кягуа. Целится кремневкой,
Газыри-заряды шлет оскал зубов.
Мурза-беку в спину грянул выстрел ловкий,
А в Кягуа пули слали из кустов...

... Перерезал брату жгучие веревки,
Остальным, как пленным, тотчас объявил:
С Алиасом выючить на коней кремневки,
Говоря, что пленным Кягуа не мстил.

Приказал к сосне, что искрит янтарями,
Где отлогий виден у леска обрыв,
Отнести убитых, вытянув их прямо,
Уложить пристойно, бурками накрыв.

Силы он теряет. — Ну, теперь мы едем,
Усади, на лошадь и держи меня, —
Пршептал он брату... — Одного из этих
От волков поставим мертвых охранять.

— А ты, приказал он одному из пленных,
Донеси о мертвых в горный Карачай!
Если ты исходишь даже пол-вселенной,
То таких, как Кягуа, лучше не встречай!

И спустились в пацху, вниз и ближе к смерти...
Пел он, вспоминая, кровью исходил...
Не легенда — Кягуа. Он герой был, верьте,
И таких на Бзыби я не находил.

У-а-ри-ра, ра-ри-на, песни звуки мчатся...
У-а-ри-ра, ра-ри-на, стонет ачангур...
У-а-ри-ра, ра-ри-на Напха Кягуа, хаца!
Так, за бурной Бзыбью, тихий пел Ингур.

Следующая абхазская народная «Песня юноши и девушки», полная юмора и ярких сравнений, высмеивает ограниченную, напыщенную гордость девушки-богачки. Любивший ее юноша, выслушав непомерные требования девушки, отказывается от нее. Повторяющееся многократно в песне слово «дада» — ласкательное.

ПЕСНЯ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ

(Абхазская народная)

ДЕВУШКА. Маленький дворик твой.
После отца, дада,
Ты окружи, мой друг,
Рвом небольшим, дада.
Вокруг обведи, мой друг,
Частый забор, дада,
И возведи скорей
Акаруасса*, дада.
Садом густым дворец
Ты окружи, дада.
Буйволов множество
Туда впусти, дада.
Стройные яблони
Там зацветут, дада.
Наши же буйволы
Будут бока, дада,
О стволы яблоней
Грузно чесать, дада.
Сочные яблоки
Вниз упадут, дада,
Ты же соседшек
Всех позовешь, дада.
Будут корзинами
Их собирать, дада.
Я буду в комнатах
В окна смотреть, дада,
Буду за сборами
Я наблюдать, дада.
Яблоки красные
Ты принесешь, дада,
В ротик положишь мне
Тонкий ломоть, дада.
Пусть он во рту моем
Тает, как мед, дада.
Если ты будешь так
Мне все давать, дада.
Буду любить тебя,
Буду твоя, дада.
Если ж не выполнишь,
Милый мой друг, дада,

* Акаруасса — дворец.

Если не сможешь ты, —
Тогда прощай, дада.
Кто ты такой, мой друг,
Тогда скажу, дада.

ЮНОША. Когда встречал тебя
Светел был день, дада.
Нежней папируса
Тело твое, дада.
Янтарь из Стамбула
Глаза твои, дада.
Гибка, изящна ты,
Как плеть лозы, дада.
Цепью чеканною
Ты сложена, дада.
Ты для меня всегда
Солнцем была, дада.
Но тяжелы мне, друг,
Просьбы твои, дада.

ДЕВУШКА. Если не в силах ты, —
Прочь со двора, дада.
Лошадь червивая
Друг — у тебя, дада.
Сам же в черкеске ты
Плесенью стал, дада.
Можно в подол собрать
Твой урожай, дада.
Пищу в дорогу ты
Носишь в зубах, дада.
Ноги твои годны
Мять виноград, дада.
Кушать ты можешь лишь
Зубом одним, дада.
Ногти годны твои
Только чесать, дада.
Редки усы твои
И борода, дада.
Что же мне скажешь ты?
Прочь со двора, дада!

ЮНОША. Слушай и ты меня
Вот мой ответ, дада:
Рост твой велик, мой друг,
Точно соха, дада.
Косы твои, мой друг,

Точно «ратын»*, дада,
Лицо твое словно
«Ацишьхуа»*, дада.
«Уаркуан»* — твой нос.
Слушай еще, дада:
Давно не садишь ты
Свой огород, дада.
Но любишь лук, мой друг,
Всегда жевать, дада.
Фасоль не варишь ты,
Но много ешь, дада.
Очень не любишь ты
Воду носить, дада.
К тем, кто несет ее,
Все же бежишь, дада.
Ешь мамалыгу ты
Глотком большим, дада.
Идешь в постель свою,
Ног не помыв, дада.
Сидишь в сору всегда,
Дом не метешь, дада.
В гостях ты грязная —
Собой смешишь, дада.
Совсем ты тонкая,
Тонкая ты, дада.
Даже каната нет
Тебя обвить, дада.
Когда ты прыгаешь
Через плетень, дада,
И сядешь на землю, —
Выроешь ров, дада.
И в этой рытвине
Десятка два, дада,
Свиней поместятся,
Больших свиней, дада.
От пяток ног твоих,
Где есть следы, дада,
Хороший конь, мой друг,
Не сможет выскочить.
В следах поместятся
Цыплят сто штук, дада.
Такую девушку
Не нужно мне, дада!

* Части сохи.

КОБЛУХ И ЧОРТ

(Абхазская сказка)

Однажды на дороге встретились Коблух и чорт. Последний спросил Коблуха:

— Какие у вас новости, Коблух ты несчастный? Коблух ему в ответ:

— Вот у нас какая новость: ляжку комара не могут съесть восемь собак!

ЧОРТ. Наверное, у вас собаки маленькие.

КОБЛУХ. Какие же они маленькие, когда они съедали орлов, влетающих во двор владетеля.

ЧОРТ. Орлы, должно быть, были малы.

КОБЛУХ. Нет! Когда они садились на крышу дворца владетеля, крылья их касались земли.

ЧОРТ. Дворец, видно, был низенький.

КОБЛУХ. Ничуть не бывало! В одной из его комнат помещались восемь верблюдов.

ЧОРТ. Наверное, они были малы.

КОБЛУХ. Нет, не были малы! Они настолько были высоки, что срывали зелень с верхушек сосен.

ЧОРТ. Значит, сосны были карликовые.

КОБЛУХ. Нет! Когда мой брат, подняв голову, бросал взор на их верхушки, с его головы падала папаха.

ЧОРТ. Тогда твой брат был низенький!

КОБЛУХ. Нет, не был мал он ростом! Со дна колодца рукой доставал камни.

ЧОРТ. Значит колодец был неглубок!

КОБЛУХ. Был очень глубок. Если рано утром бросишь камень, то он не долетал до вечера.

ЧОРТ. День, видно, был короткий!

КОБЛУХ. Нет! Корова, зачавшая утром, возвращалась к вечеру с телятком.

ЧОРТ. Ах ты, Коблух несчастный, ты победил меня!

Записал Баграт Тарба.

Селение Дурипш, Гудаутского района

Перевел Самсон Чанба

Песня «Солдатская доля», записанная со слов столетнего колхозника Ивана Жведела из Гальского района, отражает ненависть, которую абхазцы испытывали к царскому режиму, к солдатчине и войнам, на которые их насильственно забирали, разрушая родные очаги.

СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ

Нас в город спешно погнали...
Кто нам скажет, что там такое?
В лотерею мы поиграли,
Номер взял я дрожащей рукой...
Потушили очаг наш в конце сентября...
Так хотел русский царь... Ненавижу царя!
На бумажке измятой, затертой
Значился номер четвертый.
С тех пор я уж не был свободен,
Услышав короткое «годен»!
Нет, не годен! — твердил я как мог и как смел.
Но никто мне не верил. И царь так хотел!..

Прощайте, братцы и товарищи!
Мне не видать родных, друзей.
Войны ужасное пожарище
Горит для гибели моей!..
Для слез всех жен и матерей!
Словно дикого коня,
Взяли бедного, меня.
Оседлали, разогнули,
В сапоги меня обули...
Весит каждый пуда два, —
Тяжелы, как жернова!..

Нет, в нас не видели людей.
Кормили скверно, как свиней.
Кричали, били так и сяк...
Пропал окумский наш бедняк!

Девушки любимые! Вы забыли нас!
И с другими времячко проводите сейчас!
Как о вас мечтаем мы — трудно рассказать,
Только запрещают нам вдосталь помечтать.

Не забывай меня, любимая!
В мечтаниях вспомни про меня
Придет пора неотвратимая —
В цвету застану розу я!
Кусты и стебли — все колючее
Мешают подобраться к ней.
Поет над розой соловей,
И песнь его — как слезы, жгучие...
Ах, розу я сорвать пытаюсь,
Но на колючки натыкаюсь!
Та роза — ты, моя прекрасная,
Колючки — жизнь моя несчастная!..
Преодолев колючки ратные,
Сорву я розу ароматную,
Упыюсь дыханьем свежей сладости
И опьянею я от радости...

Мечта, мечта! — шепчу сквозь плач я.
Кругом презренье, жизнь собачья!..
Давно уж дома ждут солдат,
А мы все не идем назад...
И девушки печально-строго
Глядят на пыльную дорогу...
А русский царь твердит суровой,
Что мы пролили мало крови...

(Записал Николай Микава.

Перевод Иосифа Новодворского).

Ныне крестьянское население Абхазии объединилось в колхозах. Частушки, которые вы сейчас услышите, имеют много общего по своему содержанию с частушками тысяч колхозов других республик, краев и областей Советского Союза: их объединяет счастливая зажиточная жизнь, завоеванная под руководством партии Ленина—Сталина.

КОЛХОЗ

(Частушки)

I

С каждым днем колхоз наш крепнет.
С каждым днем растет.
Хайт, колхозники, встречайте:
Урожай идет!

На полях колхозных много
Табака и чая.
Все враги от злости лопнут,—
Чонгурист играет.

Жить нам стало веселей,
Все имеем мы теперь.
Сапоги шавровые,
И черкески новые.

Если много трудодней,
Так полна и пания*,
Если ж нет — тебе трудней,
Мало, что достанется.

Если будешь ты работать,
Все добыть сумеешь,
А не будешь — будет хуже, —
Сразу обеднеешь.

Хайт, играй, моя чонгури*,
Лодырей оплакивай,
Будем мы крепить колхоз,
Будем мы богатыми!

Дели-дела, дели-дела,
Дели-дела, делао
Победили тракторами
Кровопийцев кулаков.

Брат рожден мой — трактористом
Дели, дела, делао.

* Сарай, построенный на высоких сваях, где хранят урожай.
* Музыкальный инструмент.

Хайт, веди вперед колонну,
Пусть обрадует село.

Как сказать мне, как мне спеть
Песню о Стаханове?
Браво, боши * Алексей
Все тебя прославим мы.

Записал Николай Микава со слов комсомольца
Джого Цацуа и колхозника Джгубурия (Окум-
ский колхоз им. Ленина)

Перевод Н. Данилевской.

«Понятна и близка каждому трудящемуся Абхазии песня, которую поет восьмидесятилетний лыхненский колхозник, абхазец Сейдык Кварчия», сказал председатель ЦИК Абхазии тов. Лакоба, заканчивая свой доклад на юбилейной сессии ЦИК Абхазии 3 марта 1936 г. и он процитировал эту песнь:

Над всеми мужчинами — он мужчина;
Над всеми героями — он герой;
Он сын грома и молнии;
Но в сердце его, как в море воды,
Неиссякаемо много заботы и любви
Ко всем беднякам и угнетенным, —
Это наш Сталин.

Кто впереди всех сражался,
Вдов, сирот и стариков
Кто грудью своей прикрывал,
Перед кем у врагов от страха колени гнутся,
Кто честных и работающих умеет награждать,
Кого дети любят больше матерей —
Это наш друг Сталин.

Из всех бедных, закопченных углов
Кто вывел на яркий свет несчастных,
Кто научил их делать свое счастье

* Боши — парень (мингр.).

Своим умом и своими руками;
Кто взял наши разрозненные руки,
В которых было по одной кукурузине,
Кто свел эти руки вместе
И в них оказалось золото —
Это наш любимый Сталин.

Кто открыл наши уста для веселой песни;
Кто развязал нам ноги для танцев;
Кто плачущего заставил смеяться
И умирающего вернул к жизни;
Кто мыслями, сердцем и делами
Самый любящий, самый верный
И самый старший сын Ленина —
Это великий Сталин!

«Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего» — писал Алексей Максимович Горький. Молодая абхазская литература, в лучших своих образцах национальная по форме, социалистическая по содержанию, щедро черпает свой материал из богатейшего фольклора абхазского народа.

Выполняя завет А. М. Горького, виднейшие абхазские писатели Димитрий Гулия, Самсон Чанба, Николай Микава и другие собирают и изучают фольклор своей родной страны.

Слушайте произведение Самсона Чанба «Песнь страдания», навеянную былями абхазского народа, не раз уходившего в изгнание от своих поработителей.

ПЕСНЬ СТРАДАНИЯ

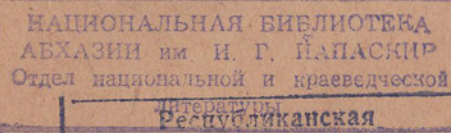
Горы-гиганты толпой обступили бархатную поляну. Среди поляны, храня думы народа, стояла вековая липа.

Под ее распластавшейся кроной чинно расположились умудренные опытом старики.

Решали мирские дела.

Почтительно слушала молодежь. Безмолвно внимали горы.

Говорил старик Хаджмат.

Голову его змеей обвивал белый башлык. Нити серой породы водопадом падали вниз.

Хаджмат окончил...

Шумная молодежь образовала круг, и песни с танцами сплелись. Под такт горячей песни и хлопанья в ладоши легко скользят на пальцах молодые ноги. Сияют довольные лица отцов, и кажется им, что вновь они видят себя молодыми.

Не вытерпел старик. Держась за кинжал, он бросается в пляс, легко кружась и сгибая ноги...

Загорелась молодежь... Засверкали в такт выстрелы... Запахло порохом.

— Нет, не то, не то!.. В воздухе бывало танцевал, а теперь уже кости одряхтели — с разочарованием в голосе произнес старик, занимая свое место.

Замолкли песни.

Молодежь заскучала.

— Спойте, отцы, наши песни старины! — потребовали настойчивые.

— Молодежи надо уступить, — сказал Хаджмат. — Пусть слушают и запоминают. Наши песни — жизненный опыт наших предков, пусть же передаются они из поколения в поколение и живут в нашем народе.

Он затянул «Песнь страдания».

Хором вторили старики...

Эта грустная песня, полная тоски, далеко разливалась, эхом отдаваясь в скалах.

Наступила тишина.

Никто не хотел нарушать ее. Только листья шатром раскинувшейся липы тихо шелестели над головами.

— Знаете ли историю этой песни? — спросил старик, поглощенный грустными думами. — Я расскажу ее вам.

Это случилось давно.

Одиноким корабль шел на турецкий берег.

В безбрежном море он казался упавшей бабочкой, подхваченной капризной волной.

Полные дум, сидели на носу старый Чахмат и его семья.

Это были последние махаджиры — изгнанники.

Закончилась героическая борьба с царизмом.

Сыны Абхазии оставили родные горы и ушли в Турцию.

В разоренном и выжженном ауле остался один Чахмат.

Проходили дни.

Горы больше не отвечали эхом на песни своих сыновей. На выступах гор, в долинах и ущельях стояли обгорелые столбы саклей, словно плакальщицы в глубоком трауре.

Только в черные ночи из осиротелых аулов долетал призывной вой собак, крик совы и мерный плач одинокой птицы.

Долго боролся Чахмат со своей любовью к родному краю, с глубокой тоской по братьям, покинувшим родные горы. Жуткие ночи в мертвых аулах разрывали его сердце.

Не выдержал старик.

Он поспешно собрался в далекую Турцию, вслед за махаджирами.

Чахмат с семьей спустился к морю.

Разрисованный полумесяцем турецкий корабль, бродивший вдоль берегов Абхазии, увез их с собой... Там, в Турции, покинутые, они долго молчали, устремив блуждающие глаза вглубь страны.

Ни живой души.

Бесконечно голая выжженная земля.

Опаловое небо раскаленным котлом повисло над головой, паля своим зноем махаджиров неумолимо.

Знойный воздух все сжигал, а опустевший кувшин не утолял больше жажды.

Мертвые долины сменились холмами. И снова безбрежная песчаная степь.

В пустыне повеяло смертью.

Воды-ы-ы! — тихо, казалось, застонало кругом и как бы в ответ из серой выси слышалось:

Киу, Киу!

Над головами умирающих кружился орел.

— Недалеко родник — пронеслось в отуманенных головах несчастных. — И пять пар жадных глаз впились в движущуюся точку.

Несколько плавных кругов, и вестник стрелой полетел к земле.

Молодой Тему, сын Чахмата, бросился вперед, но орел взметнулся вверх и исчез.

— Погибаем! — застонал Чахмат.

— Отец! — решительно заявил Тему, — я последую за орлом!

Он прощальным взором скользнул по лицам родных и исчез.

Сын Чахмата больше не вернулся.

Одни остались — старуха мать и ее младший сын.

На холме в неглубокой могиле под горячей землей слег
старый Чахмат с дочерью.

Два раза день сменялся ночью.

А на третий день труп юноши преградил им дорогу.

То был Темыр.

Прошел еще день.

Чтобы не усилить жажду сына, мать ни единым словом
не обмолвилась о своих страданиях. И только перед смертью
из ее высохших уст с глубоким стоном вырвалось:

— Воды!

Спасения не было.

Сын опустился возле матери, сам готовый умереть.

И в смертной тоске затаил «Песнь страдания».

Умиравшая собрала свои последние силы, обняла сына и
стала вторить ему.

В мертвой пустыне, объятые смертью, пели последнюю
песнь.

И снова раздалось знакомое: «Киу, Киу!»

Орел стрелой рванулся вниз и скрылся за холмом.

За холмом в овраге журчал спасительный родник...

Испуганный орел взмахнул крыльями и высоко поднялся
в воздухе.

В войлочную шапку потекла родниковая вода.

— Мать!.. Вода!.. — в диком восторге кричал сын, подно-
ся к губам матери шапку с водой.

Высоко кружился спаситель-орел.

Мать и сын вернулись в родной край. Вскоре она умер-
ла.

А сын?

Он перед вами. Это я — Хаджмат.

Сказав это, он поднял глаза, полные тяжелых воспомина-
ний.

Но печаль сошла.

Радость сверкнула в глазах Хаджмата, он улыбнулся и
добавил: Теперь нет больше этого тяжелого прошлого!..
«Песнь страдания» сменилась песней радости! А-ха, дадраа,
пойте «Комсомол рашва!»

Молодежь запела горячую песнь.

И эхом перекликнулись скалы, рождая могучие хоры...

ПОЯСНЕНИЯ ДЛЯ ЧТЕЦОВ К ПЕРЕДАЧЕ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА С УКАЗАНИЕМ УДАРЕНИЙ

Язык абхазов весьма труден для произношения. Чтец
произведений абхазского фольклора встретится в этой пе-
редаче с необходимостью: 1) правильно произнести имею-
щиеся в тексте абхазские слова, 2) правильно расставить
ударения в личных именах, в «припевах» и т. п. и 3) учи-
тывая трудности перевода, благодаря которым местами в
стихах неправилен размер и сложен ритм — удовлетвори-
тельно, без ущерба для художественного исполнения, про-
читать стихи.

Ударения в абхазских словах, встречающихся в этой пе-
редаче, следует ставить следующим образом (ударный звук
выделен):

1. Напха Кягуа

уа-ри-ра, ра-ри-на (быстро, почти слитно произносятся
обе части припева с главным ударением на ра в начале вто-
рой части)

хАца (х — короткое, придыхательное)

ой-ри-ра-ри-на

паЦха, в паЦхе.

АлиАс

ХА-а! (х — короткое, придыхательное)

газЫр — заряд

А-хА! (ударение на последнем а, произносится коротко)

АрхалУк

МурзА-бек, АслАн-бек.

2. Песня юноши и девушки

даДа (А — несколько протяжное)

акаруАсса

ратЫн

ацИшьхуа

УаркуАн

3. Коблук и чорт

БагрАт—ТарбА.
ДурИпш
ГудаУтского
Самсон ЧАнба.

4. Солдатская доля

Ивана ЖвЕдела.
Николай МикАва.
ОкУмский.

5. Колхоз

хАйт (т — произносится очень коротко).
чОнгури.
дЕли-дЕла, дЕли-дЕла (Е читается как Э).
делаО
джОго цАцуа
ДжгубУрия (в «Дж».. слышится звук Ч).

6. Песнь страдания

ХаджмАт
кИу (крик орла)
ЧахмАТ
ТемЫр
РАшва

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступительное слово	3
Смерть Напха Кягуа	5
Песня юноши и девушки	9
Коблук и чорт (сказка)	12
Солдатская доля	13
Колхоз (частушки)	15
(«Над всеми мужчинами...»)	16
Песнь страдания	17
Пояснения для чтецов	21

